
В МИРЕ ПОЭЗИИ: ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ

Наталья Квасникова
(г. Москва)

СТАРЫЙ КРЫМ
(Поэма)

В августе 2010 года мне довелось побывать в Крыму на литературном фестивале «Славянские традиции». Мы посетили волшебные места Грина и Паустовского. В тихом городе под уютным названием «Старый Крым» до сих пор сохраняется атмосфера повестей и рассказов, созданных этими кудесниками русского слова...

1. МОЙ ГРИН

*...Гринов тоже может быть несколько...,
а у тебя он — к твоей лишь судьбе примерный,
твой Грин, твой собственный...*

Николай Тарасенко

На рассвете
Лучистый поток,
Приласкавший окно,
Заглянул
Человеку в прищур,
Усмехаясь и рдея.
Человечья душа
Распахнулась в ответ,
Молодея,
Светлея,
Алея,
И подул ветер счастья,
Наполнив собой полотно
Парусов долгожданных
Волшебника Грэя.
Не восходит мечта
Без унылой закалки обид,
И вино не хмелит,

Если сок из незрелых желаний
Не перебродил.
Не мешают любви
Ни злословие, ни суета,
Ураган в океане
Бушует, не меряя сил.
В южном
Сказочном городе
Вымыслы бродят бесшумно.
Замечает их
Только мечтательный,
Пристальный взгляд.
Контур гор обрамлен
Сочным небом
Да ветром безумным,
И барханы морские
След девушки юной
Хранят.

—

Грин,
Кудесник, поэт,
Жизнь украсивший глянцем.
Нам доступен портрет,
А лицо
Растворилось в пространстве.
На портрете глаза,
Как за шторами
Горьких печалей.
Лишь морей бирюза
И доверья слеза,
И сердец голоса
Открывали в них дали,
Свет зари зажигали.
Мы приходим к нему
Сквозь обиды — и тьму
Не сбывающихся
Стремлений, —
Вот уж несколько поколений...
Мы идем к Грину
По лестнице узкой,
Выстраданной в душе,
Выстроенной из музыки,
Захмелев от его волшебств.
К нереальности той,
Которая неизменно —
Красавица,
Нам хотя б — на постой,
И затем, постепенно,
Исправиться,

Отдохнуть от глухот
И слепот, и немот,
Зачеркнувших,
Заткнувших
Глубины высот
И высоты глубин.
Видел Грин
Долгим своим прищуром
Искры птичьего пения
В залатанной ткани
Тумана.
Под взглядом его хмурым
Дымилась
Заря вечерняя
Или — ранняя...
Не странно,
Что его печали
Прекрасны —
И рождают в душах
Полосы света.
Но до боли неясно,
Почему и море,
И суша
Долго не привечали
Алые паруса
«Секрета»?

—

Домик рядом
С грецким орехом,
Шелестящим
О недосказанном,
Обрамленный
Весенним садом,
Оживленный
Беззвучным эхом,
С мыслью Грина
Навеки связанным.
Он мечтал,
Что напишет
Столько историй
О море,
Сколько спелых плодов
На любимой айве,
Но вовремя не был услышан,
Вдруг не стало слов
И следов на траве...
А теперь,
Как поспеют
Плоды айвовые,

То — рассказы
Готовы новые,
Словно вести
Несвершенному веку,
Но прочесть их
Не дано человеку.

2. ПАУСТОВСКИЕ ЗОРИ

*«...Я с корабля сошел при блеске ночи,
При ропоте таинственных валов...»*

Николай Щербина

Золотая заря,
Березовость,
И еловость
Зелено-хмурая,
Осень бурая,
Враз — с обновой...
Ишь,— сосновость,
Искря
В смоль слезную,
Расточает
Цвета медовые
И рассветами,
И закатами,
Что краснеют, как
Виноватые,
Жидким золотом
Умываются,
А внизу, в лесах,
В молодых ручьях
Да в людских сердцах
Освещают все —
Освящают все...

—

В тихом городе
Дом в саду стоит,
Где березы грустят
С кизилами.
То ли поровну
Хватит всем обид,
То ль кому-то — лад,
Счастье с милыми...
Поутру — заря,
Золотая мгла,
Золотая пыль.
Из нее не зря

Роза проросла,
Сказочная бьль.
Окна в доме том,—
Как страницы книг.
За одним окном —
Сплошь
Норвежский лес,
Бродит старый Григ,
Ищет музыки
И других чудес.
В том лесу без счета
Еловых шишек,
Собирает их
Лесникова дочь.
Ей — проста забота,
А ты — пророчь!
Как Ассоль, она
Получает высший
Дар волшебника...
Даже ветер стих
С удивлением.
В восемнадцать лет
Был открыт секрет —
Поздравление.
Григ был щедр,
Как Грэй:
Скрипки струнами,
Клавиш млечностью
Он поведал
Ей —
Яркость юности,
Тайны вечного,
Сердце — встречного...
Парус музыки
Не был алым,
Но со всех сторон
Обнимал он...
...А в другом окне
Плач и смех ручьев,
И Мария Черни
В любви, в огне,
Но земные черти —
Без душ и снов,
И приносят в жертву
Ее любовь.
...Ждет за третьим окном
Черное море,
А над ним —
Полотном
Разноцветным — небо,
Чтобы в сердце твоём

И моем,
И еще чьем-то
Экспромтом,
Навсегда и всерьез,
Разбудить вопрос:
А раньше, значит,
Я — где был
Или — была,
Почему не знаю,
Как ночь — прозрачна,
И мысль — светла?
Даль земная
Не лжет философски,
Всем дает ответ,
Не открыв причину...
Жжет волну рассвет,
И глядит Паустовский
Вслед
Александрю Грину...

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ПАРОДИИ

С удовольствием, когда удастся, читаю поэтические авторские новинки и коллективные сборники. Это говорит о том, что не иссякает река творчества и не только старшего поколения, но и молодежи. Но иногда попадаются такие «произведения», что порой не знаешь как реагировать на такое словоизлияние. Волосы встают дыбом, и охватывает ужас. То ли люди не понимают, что такое поэзия и считают себя талантливо-гениальными, то ли просто не знакомы с правилами стихосложения.

Но поразмыслив, приходишь к выводу, что некоторые люди просто делают первые шаги к поэзии, учатся и совершенствуются. А другие — по натуре своей веселые, обладающие чувством юмора. Иначе как еще можно определить то, что они предлагают нашему вниманию в своих сборниках.

Раз люди выносят такое творчество на суд читателей, то, значит, они готовы выслушать отклик на свои произведения. Тем более что книги распространяются, дарятся, продаются...

Читая такие сборники, волей-неволей у меня появляются дружеские пародии, которые я предлагаю вашему вниманию и надеюсь, что авторы на меня за это не обидятся, а наоборот напишут еще много хороших стихотворений.

МЕЧТЫ

(Первая стадия алкоголизма)

*«Ты позови скорее
И жди, когда приеду,
Ведь нет тебя роднее,
Купи батон к обеду.
Открой навстречу двери,
Не спугни мои мечты,
Я так хочу поверить,
Что сегодня трезвый ты»*

Тамара Дик, «Позови»

Буханку четвертушку
К обеду не забудь,
Естественно — чекушку,
Где хочешь, но добудь!

Открой навстречу двери,
Мечта впорхнула чтобы.
Я так хочу поверить,
Что мы напьемся оба.

Трезва я, но устала
В мечте своей опять —
Чекушки будет мало.
Две сразу надо брать!

ДО ЧЕРТИКОВ

(Вторая стадия алкоголизма)

*«Не беспокой меня, виденье,
Мне душу больше не тревожь,
Ведь я справляю день рожденья.
Ты выпить, может быть, зайдешь?»*

Тамара Дик, «Виденье»

Чего же нет? Зайду, конечно!
Поплачем. Водочки попьем.
И разговор с тобой неспешно,
Когда наплачемся, начнем.

Что в жизни ты своей добилаась?
Осмысли то, что ты творишь.
Уже до чертиков допилаась —
С видениями говоришь...

Ведь в день рождения возможно
Переосмыслить, помечтать
И, может даже, осторожно
Чего-то заново начать.

УЧУ ЛЕТАТЬ

(Третья стадия алкоголизма)

«Приходи на обрыв — летаем...»

Тамара Дик «Приходи на обрыв»

Приходи на обрыв — летаешь.
Я в ту пропасть тебя подтолкну.
Ты чего замолчал и икаешь,
И похожим, вдруг, стал на струну?

Ты об этом, ведь, часто мечтаешь
И во сне, и еще наяву.
Приходи. Подтолкну! Полетаешь!!

А то больше не позову.
ЗАГАДКА РОССИИ

*«О Русь моя, поля и хаты!
Как ты сегодня не стелись,
Но ходят бабы не брюхаты
И мужики перевелись»*

А. Рязанцев, «Расплата»

Вот — это Русь! Вот — это хаты!
Хоть мужиков здесь не видать
И, вроде, бабы не брюхаты,
Но каждый год идут рожать.

И кем-то доятся коровы,
И кто-то урожай собрал,
И кто-то клуб построил новый,
Жаль, что Рязанцев не видал.

Владимир Резцов
(г. Тула)

**ВЗГЛЯД РУССКОГО МУЖИКА НА
ГЛОБАЛЬНУЮ ПРОБЛЕМУ
ТЕРРОРИЗМА**
(Невыдуманный монолог в вечернем трамвае)

Однажды вечером в октябре 2001 года я возвращался домой на трамвае и услышал, как сидевший в конце салона хорошо подвыпивший мужчина лет сорока в рабочей одежде и замызганных сапогах, ни к кому не обращаясь, с возмущением, на чем свет стоит, крыл террористов из «Аль-Каиды», которые 11 сентября протаранили самолетом баини-близнецы в Нью-Йорке. Меня заинтересовал ход его мыслей. Немало позабавило то, что он почему-то считал, что Усама и Бен-Ладен — это два разных человека...

Планету ввергнув в ад террора,
Два бородатых мухомора,
Два отморозка от ислама
Хмыри *Бен-Ладен* и *Усама*
Хотят, чтоб именем Аллаха
Все люди писались от страха.
Уже Америка в тревоге:
Ведь «Аль-Каеда» на пороге,
И подсылает психов, чтобы
В Нью-Йорке рушить небоскребы,
Козел и сукин сын *Бен-Ладен*,
Будь он сто тысяч раз неладен!
В ужасной панике Европа,
Как в ожидании потопа:
По почте рассылает прямо
Всем по квартирам смерть *Усама!*
Грозят кресту два злобных гада
Зеленым знаменем джихада.

Но русских — черт не запугает!
Кто девок любит и киряет,
Кто водку глушит вдохновенно,
Тому и море поколенно.
На льду мы немцев одолели;
Мамай хлебал уху у ели,
Да подавился возле Дона;
Француз у нас просил пардона...
С фашистом стенкой шли на стенку...
И потоптали... *Гитлеренко*...
Как только... грамм по двести... вмажем...
Зимовье раков вновь покажем...
И с отмороженными сладим...
Мы по усам им... забенладим...

Людмила Авдеева
(г. Москва)

СТРОКОЙ СТИХА ПОБЕДЕ ПОКЛОНЮСЬ

Авдеева Людмила Евгеньевна — журналист-международник, литературовед, поэт. Работала в горячих точках: около четырех лет в Иране в период исламской революции и ирано-иракской войны и два с половиной года в Афганистане. Имеет более десяти медалей, среди которых: «Ветеран-интернационалист», «За верность долгу и Отечеству», «За вклад в дело дружбы», «От благодарного афганского народа», «К 20-летию вывода войск» и др. Член Российского Союза ветеранов Афганистана. Издано 26 поэтических книг, среди которых на военную тематику: «Не разлучай людей, война», «Дорогами Победы», «У памяти в плену», «Одни нам светят звезды», «Озера памяти», подборки стихов в коллективных изданиях «Русич», «Мы и время», «Звезда отца», «Истоки» и др. Документальная проза публиковалась в альманахах, коллективных сборниках и в многотомной серии Академии исторических наук «От солдата до генерала». Лауреат конкурсов «Автор патриотической песни», «Песни о Российской Армии», «Строкой стиха Победу славим» и др. Награждена дипломами Московского фонда культуры «За духовность, гражданственность, любовь к Отечеству», специальным призом Военной Академии РВНС им. Петра Великого в Санкт-Петербурге. Член Союза писателей России и Международной федерации журналистов.

* * *

Искать не стану фраз высокопарных.
Строкой стиха Победе поклонюсь.
В те огненные годы было главным
Россию отстоять, Святую Русь.

Не дать Москву врагам на поруганье,
Спасти от слез блокадный Ленинград,
Чтоб звезд кремлевских яркое сиянье
Украсило торжественный парад.

Победе поклонюсь и ветеранам,
Сражавшимся за Курск и Сталинград.
Всем тем, кто помешал фашистским планам,
Всем тем, чьи раны до сих пор болят.

Какой ценой досталась нам Победа,
Перечислять я даже не берусь.
Но среди погибших брат отца, два деда...
И не забыть в глазах свекрови грусть.

Дочь схоронила. Сразу, следом сына —
Детьми в фашистом занятом селе.
А муж ее, дошедший до Берлина,
Прожил недолго, ноги на войне

Оставив. Нет семьи в России
Кого б не покалечила война.
Где б женщины в ночи не голосили.
Склонюсь пред ними я строкой стиха.

Строкой стиха я поклонюсь Победе.
Ей в памяти людской навеки жить.
А Красной Площади столетье за столетьем
Учить детей Отечество любить.

* * *

О чем ты плачешь, Русь, слезами вдов?
О чем ты плачешь, Русь, слезами ветерана,
Забывших деревень, где не хватает дров,
Чтоб протопить избу, и ноет, словно рана,

Та страшная война, хотя десятки лет
С июня сорок первого минули
Когда сражался насмерть славный Брест
И принимал не в спину, в сердце пули.

А что с тобой, скажи, струсилось, Москва.
Ужели ты панфиловцев забыла.
Год 41-ый. Страшная зима.
Но мужества с отвагою хватило,

Чтоб отстоять тебя из лап врага,
Чтобы вернуть тебе былую славу.
Так отчего ж сегодня холодна
Ты к стрикам? Обидно за державу,

Обидно за распавшийся Союз,
За павшего в боях жестоких деда...
Но близок Май! Вставай, святая Русь!
Вставай, народ, чтоб праздновать Победу!

В ОЖИДАНЬЕ ДНЯ ПОБЕДЫ

Предана, растоптана, распята
Русь, что набирала высоту.
Чувствую себя я виноватой
За свою былую слепоту,

За терпенье, за наивность, веру
В то, что власть всегда у нас права.

Отдали Россию изуверам.
Неужели это навсегда?!

На полях коттеджи вырастают,
Продан лес и речка продана.
Деды — ветераны умирают,
Оставляя внукам ордена.

Орден и медаль. За ними годы
Беспощадной тягостной войны
И послевоенные невзгоды,
И успехи строек, целины...

Ордена за мужество. Заслуги
Дедов и отцов — бесценный клад.
Неужели сможете вы, внуки,
Их снести торговцам на Арбат?

Неужели? Сердце холодеет,
Когда с пивом, с куревом в руке
Молодого вижу прохиндея,
С орденом, зажатым в кулаке.

Порожденье ельцинской эпохи —
Равнодушие, злоба и цинизм.
И при этом рассуждать о Боге
Смеет олигарх-капитализм!

Власть в своем бессилье рвет и мечет,
И гребет в бездонный свой карман.
Наобум реформы — чет иль нечет.
Библия враждуют и Коран.

Был народ един на поле брани,
В лютой схватке победил не зря.
Отчего же ныне столько брани
Принимает русская земля?

Мая жду! Жду День святой Победы!
Прекрати безмолвствовать, народ!
Внуки, поднимитесь так, как деды
Поднимались в бой! Не пропадет,

Возродится матушка-Россия
Светлой мыслью, праведным трудом.
Возвратит свои былые силы
Защитит от недругов свой дом.

Стань мудрей, народ, не будь Емелей,
Проводящим время на печи!
Обещанья, мифы надоели.
Нечисти немало на пути.

Май грядет! Великий День Победы.
Память бей сильней в колокола,
Чтобы снова пересилить беды,
Чтоб спастись Россия бы могла.

СВЯЗНАЯ

За мною память по пятам
Идет, забыть не разрешая,
Как радость с горем пополам
Встречал народ в победном мае.

Себя я чувствую связной
Меж внуком и погибшим дедом,
Меж мирной жизнью и войной,
Началом боя и Победой.

Себя я чувствую связной,
Чтоб поколениям грядущим
Уже не встретиться с войной,
Но сохранить святыя чувства.

И память прошлого храня,
Преумножать земли наследство.
Чтоб были счастливы всегда
Все люди в старости и в детстве.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ПРОСТИТЕ, ЖЕНЩИНЫ, МЕНЯ

Переосмысливая жизнь,
Считаем прошлые ошибки,
Друзей утраченных улыбки,
Тогда потерянную мысль...

Но изменить себя нельзя,
Хотя так хочется порою
Опять встревоженной весной
Случайно повстречать тебя!

Чтоб закружилась голова,
Чтоб ошалеть от чувств неожиданных,
От губ обманчиво желанных,
Чтоб были нежными слова!

Мы побредем с тобой вдвоем,
Мы улетим куда-то выше
Тех тихих улиц, скверов, крыши,
В тот поднебесный окоем!

Простите женщины меня...
За огорченья и разлуки...
За неуверенные руки,
Что обнимали вас любя...

Теперь другие времена...
Но память прошлого стучится,
Жизнь все быстрее с годами мчится,
И нет возврата нам туда...

А как хотелось-бы вернуть...
Как что-то изменить хотелось,
И проявить в том прошлом смелость...
Но нет возврата. В этом суть...

* * *

Что за время у нас? Да, февраль...
И зима разгулялась метелями...
Нам взгрустнулось вдвоем в этот час,
Что-то с прошлого снегом навеяло...

* * *

Посвятить свою жизнь неизвестно чему:
Алкоголю, наркотикам, лени...
Да, бывает, что выпью — но ум не пропью!
А вокруг... бродят люди... их тени...

МЕЧТА СТАРЕЮЩЕГО МУЖЧИНЫ

Давно такую не встречал...
Глаз голубых соблазн велик...
Признаться?! Нет... Я промолчал
О том, что для нее — старик...

Мне много лет... За сто давно...
И с этим очень страшно жить...
Ей будет тридцать... Все-равно
Так захотелось... полюбить!

Сергей Соколкин
(г. Москва)

PERSONALIA

Сергей Соколкин один из самых значительных поэтов своего времени по мнению Николая Тряпкина и Юрия Кузнецова, Бориса Примерова и Валентина Сорокина, Валерия Ганичева и Владимира Бондаренко, Петра Калитина и Кирилла Анкудинова. Поэт, лауреат Государственной премии России, Николай Иванович Тряпкин, отмечая стихи С. Соколкина, писал: «Эти строки я произношу с чувством особой радости, поскольку отношу их к разряду самых лучших строк русской классической поэзии...» Соколкин творчески следует традиции русской поэзии, начатой Сергеем Есениным и продолженной Павлом Васильевым, при этом его стихам не чужда новаторская образность, что сродни поэтике Владимира Маяковского. Тема любви к Родине — основная в его творчестве. И, конечно же, любовь к женщине, той единственной и неповторимой. Автор семи книг стихов, член Президиума МГО СП России. Песни на его стихи поют 53 отечественных исполнителя.

* * *

А. Худорожкову

Там,
где гудит страна, предвосхищая сечу,
и незачатый плод кричит из бездны дней,
там всем нам танцевать за голову Предтечи
и, получив ее, не знать, что делать с ней.

О, бедный мой народ, разверившийся в Слове,
на горе и крови свой замесивший хлеб,
беззубым ртом опять свистаешь клич соловий
и точишь лезвие впотьмах своих судеб.

Искупят сыновья отцовскую проруху.
И день придет, когда сердца отпустит ржа.
Но не дано нам знать,
подняв на ближних руку,
как светел Божий Лик
на полотне ножа...

* * *

Глаз мертвой девушки чуть-чуть подслеповат.
В него война глядится, словно в воду.

И видит сквозь него слепой солдат
кровавый путь в Господнюю свободу.

Се попушенье пасмурных времен,—
где в гневе поднял камень брат на брата,—
в бесславной бойне не оценит он
и не опустит дула автомата.

И тени искореженных друзей,
взывая к мщенью, восстают из праха.
И ангел — в окровавленной слезе —
взмахнув крылом, сползает на рубаху

и черный штык.
А враг придет назад,
как подлый тать...
И повернувшись к Богу,
обняв холодный труп, сидит солдат
и мертвым глазом смотрит на дорогу.

* * *

Где мосты сожжены и деревни погублены,
и где воздух тлетворный бесплоден и слеп,
где могучие руссы под корень подрублены,
там цветет наш корявый, безрадостный хлеб.

И где катит тягуче — с последними силами
смерть-старуха свой крест — на скрипучей оси,
окопалась земля родовыми могилами
среди глада и мора великой Руси.

* * *

Николаю Ивановичу Тряпкину

Дано нам жить под строгим небом —
у верной Родины в горсти,
чтоб, умирая, русским хлебом
по всем окопам прорасти.

Как сеятель в часы восхода,
Любовь, что Господом дана,
Бросает только в чрево рода
свободы вечной семена.

ГРОЗНЫЙ-СТАЛИН.РУ

П. К.

Реклама пашет, пипл давится...
но хавает — в любом столетии...
Мозги заморским пойлом светятся

уже на том ли, этом свете ли,—
ТиВи никак не выключается...

Растративши остатки силищи —
отравлен царь — владетель нации,
что за коварство иностранцами,
был грозно наречен «Васильичем»,
как кур во щи, попав в прострацию...

Не слышно слез, не видно радости,
кровь в жилах встала, ищет выхода.
Не царским делом занимается,
напичкан ртутью, словно градусник,
лежит холодный и невыгодный —

ни галлу-Карлу, что бургундского
перечерпав хрустальной кружицей,
вдруг в ночь Варфоломея грустную
решил «вломить» — боярам... кажется...

ни инквизиции Филипповой,—
еретиков сжигавшей заживо,
где толпы в истерии ражевой
восторженно встречали каждого,
поэтов слушая филиппику...

ни Генриху, потомку Каина,
что вдруг бродяг, почуяв силищу,
повесил семьдесят две тысячи...
Но вот, в отличьи от Васильича,
не впал ни разу в грех раскаянья...

ни шляхте, ни Расее — матушке,
а только сталинской империи,
где new-опричники-ребятушки
играют с закулисьем в прятушки
у бездны глубину не меряя...

Но поглощаясь этой бездною
и вдрызг отрекшись от Хозяина,
ртом кислород лова отчаянно,
кумира сотворят из бездари,
и выживут —
как бы случайно...

Склоненны не секуще — головы...
Да так, что опускаю лиру я,
И CNN на мир транслирует
ток-шоу «Глупые и голые».
Иконы на дрова расколоты...

Летят века, тупеют зрители.
Колокола ревут и празднуют.
И слухи ползают заразные.
Мерцает в небе Лик Спасителя.
И молятся попы
за
разное...

ЛУННАЯ ПОХОДКА

Анатолию Лютенко

Радость — реже, нежность — реже, реже...
Нет любви, почти дошли до края...
Что ж меня еще на свете держит,
в полночь вглядываться заставляя,

заставляя вслушиваться в память,
в сердца недвусмысленные стуки?
К тем, что, жданные, придут за нами,
искренне протягиваю руки.

Душу не измерить на промили,—
вытекает, капает прилюдно...
Не о тех я, что Битлы вскормили
матери-земли отцовской грудью,

обещаю облака в алмазах,
заглушая стоны нежным роком.
Раз за разом свежая зараза
пробивает тело жгучим током.

Родина растрочена — навеки,
словно жизнь, ушедшая к другому.
Кожаные афро-человеки
в душах рыскают — от дома к дому.

Что я, негр, прорвавшийся в Европы,
чтобы слушать в песнях черный топот
и смотреть, как высунувшись ж...й,
дурни прутся в «рэпах» и «хип-хопах»,

чтоб людей, заезжих за удачей,
видеть приложением к Экрану,—
вспыхнет Он, и те, кто не заплачут,
от судьбы получат по банану...

Вспомнил я родной, но не любящий
город кузнецов и камнерезов...
Он не пахнет Русью настоящей,
пахнет потом, смертью и железом.

Не содрать с больной души проказу
и от крови не отмыть ладони.
Над Свердловском небо не в алмазах,
в кирпичях Ипатьевского дома...

Русь моя, любимая, родная,
неужель, затравленная в небыль,
над собою не удержишь неба,
как душа, за край перетекая?

Неужель, искусственные дети
напрягутся думою короткой,
что не жили «предки» на планете,—
прошвырнулись «лунною походкой»...

* * *

Смирнову В. П.

Мы эту осень сами заказали.
И нет в ней правды, есть одни стихи,
как будто бы в пустом холодном зале
отчитываем все свои грехи.

Звенит листва монетой с того света,
шуршит толпа в три тысячи голов.
Свобода есть, а воли к жизни нету...
и речь ясна, но нету русских слов.

Душа шумит, ей кислорода мало,
ржавеют клены, плачут тополя.
Молчит природа, что-то в нас пропало,—
нет Родины вокруг, одна земля...

НА МОГИЛЕ

На ладони высохла земля,
проросла в веках блокадным хлебом.
И в глазах, сливающихся с небом,
встали насмерть русские поля.

И покуда жить еще могу,
я к ответу мертвых призываю,
их землей сырою попрекаю —
каждой пядью, отданной врагу.

Вячеслав Боть

(г. Тула)

Заслуженный работник культуры РФ, почетный гражданин г. Тулы, старший научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева. Автор многочисленных статей, лекций по литературному краеведению, истории, обороне г. Тулы. В. И. Боть 50 лет служит музейному делу, возглавляя с 1957 года Тульский областной краеведческий музей и принимая активное участие в создании музея «Куликово поле», Дома-музея В. В. Вересаева, а также в организации музеев в городах и районных центрах Тульской области. В. И. Боть известен как автор, составитель и редактор ряда изданий. При его активном участии вышли в свет литературно-художественный сборник «Победы тульские страницы», книга «Город-герой Тула» (на украинском языке), «Подвиг народа бессмертен», 16-томное издание «Тульская областная Книга Памяти», 8 томов книги «Солдаты Победы». В. И. Боть является членом редколлегии и автором статей изданий «Тульский край. Памятные даты», «Тульского биографического словаря», «Тульского краеведческого альманаха», литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Член комиссии по областной литературной премии им. Л. Н. Толстого. Занесен в Энциклопедию «Лучшие люди России» (2003 г.). Действительный член Международной педагогической академии (2006 г.), почетный академик Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения (2007 г.). Первый поэтический сборник «Вахта памяти» вышел в свет в 1995 году. Стихотворения публиковались в коллективных сборниках тульских писателей «Иван-Озеро», «Великий май», «Ветер времени над полем Куликовым», «Поле нашей судьбы», «Свет любви», «Отчий край». Автор двух поэтических сборников – «Вахта памяти» (1995 г.) и «Наша Россия» (2009 г.). Член Союза писателей России.

О ТОЛСТОМ

Снеговые сугробы все выше,
За окном завывает метель.
Лев Николаевич пишет,
И скрипит перо, словно ель.

А весной все становится краше,
И луга зеленеют весной.
Лев Николаевич пашет,
По-крестьянски идет за сохой.

Лето ярким цветным передником
Разукрасило зелень полян.
Лев Толстой мировым посредником
Выступает в защиту крестьян.

Дождь осенний стучит по крыше,
Ветер в липах шумит верховой.
Лев Николаевич пишет
Большой узловатой рукой.

ОСЕНЬ 1910 ГОДА

Яснополянская осень.
В желтой листве дерева.
Небо прохладу приносит.
Тихо поникла трава.

Вот и глубокая осень.
И без листвы дерева.
Неба холодного просинь.
Мокрая стынет трава.

Стали холодными дали...
А люди все шли и шли.
В последний путь провожали
Великого
 Сына
 Земли.

Владимир Родионов
(г. Узловая)

Родионов Владимир Иванович. Окончил Узловский техникум железнодорожного транспорта, позднее — ВЗИИТ. В 2001 году опубликовал первый сборник: «Души незримый труд», в 2002 году — второй: «В округе поля Куликова». В 2004 году — третий: «Ностальгия». В 2005 году был принят в Союз писателей России. В 2006 году появилась четвертая книга: «Живу, а кажется — тону». Печатался в местной и московской периодической печати, а также в коллективных сборниках Тульских писателей.

ГОРЬКИ ИГОЛКИ

Время сгорает во мне на лету.
Корчится память, как грешник в аду.
Тенью метнется бывшее вослед —
Вспыхнет — останется контура след.

Горьки иголки. Забвенья труха
Пылью на полки слегла от греха.
Свежие ветры метлою сметут
Прежних историков праведный труд.

Всем же казалось: вперед — на века,
Дали пронзая, взметнулась рука.
Жаль, что отгадок немислимый рой
Тешится домыслом, словно игрой.

Чтобы бывшее живьем уловить,
Привкус летящих мгновений испить,
Мало блестящих и книг, и кино —
Время, как труп, оживить не дано.

ЧЕЛОВЕКУ ТРУДА

Человека труда низвели в никуда.
Он, как мамонт, повымер наверно.
Так затерли его ни во что «господа»,
Что навряд ли найдем без Жюль Верна.

Тот же сыщет его и на дальней звезде,
И вернет недоумкам на память.
Сколько знаю и помню: в одном РЖД
Труд людей по достоинству славят.

Прочитаю «Гудок», «МОЖ» глазами до дыр
Изотру и друзьям предлагаю.
Здесь в почете монтер, машинист, бригадир...
Здесь знакомые лица встречаю.

Там, в верхах РЖД, видно не дураки,
Знают, помнят: в года роковые,
Возвеличив народ до Заглавной строки,
Право быть отстояла Россия.

Совесьть выше, чем честь. Совесьть это укор,
Свет души, что не знает износа.
Совесьть — это незримый хрустальный забор,
За который не высунешь носа.

Русь моя! Устояв, поднимайся с колен!
Хоть слабей не была ты от века,
Но коль люди поверят ветрам перемен,
Засверкаешь в руках Человека.

О ГЛАВНОМ

Я от обиды начал заикаться,
Когда, прижатый вежливо к стене,
Услышал, что они, американцы,
Победу одержали на войне.

На той — Второй, на Мировой, в которой
Солдат Советский «в шар земной зарыт»,
Чей ратный подвиг тяжкий и упорный
Людская память бережно хранит.

Не смог смолчать. Сорвался — битвы, даты,
Сраженья и потери называл.
Один из них смотрелся виновато,
Но лишь де-юре фактом признавал.

Он про раздел Германии на части
Обыденно и внятно говорил,
Так доли позабытые сравнил,
Как будто сам был в дележе участник:

По площади, народонаселенью...
Свое спокойно, но упрямо гнул...
Хотелось заорать в окно Вселенной:
«Опять нас обокрали!», «Караул!»

Со зла сказал: «Мы зря раздали лавры
Победы на скрещении дорог,
На всех погибших равно делим Славу.
Вот ваша долька. И, храни вас Бог».

Людмила Катукова
(г. Анапа)

Литературной деятельностью занимается с юношеских лет. Печаталась в краевых изданиях, коллективных сборниках, в независимом альманахе «Московский Парнас», в литературном альманахе Российской Петровской Академии науки и искусства «Часовенка». Выпустила пять книг: «Роса» 2001 г., «На родном берегу» 2005 г., «Прикосновение к тайне» 2006 г., «Солнечный остров» 2008 г., «Без права на ошибку» 2010 г. Лауреат первой степени Всекубанского конкурса авторов — исполнителей «Величай душа моя...» (2009 г., г. Краснодар). В настоящее время живет в Анапе, руководит детским литературным объединением.

РОДИНА

Родина-мать добрая моя,
Стою среди трав и предо мной дорога.
Я знаю примешь ты в объятия меня
И хлебом теплым встретишь у порога.

Войду я в дом с иконою в руках,
Желая мира вам, любви и здравия.
Исконно было так во все века,
И вера на Руси всей жизнью правила.

Мне чистой скатертью накроют стол.
Сервиз поставят голубой, как небо.
Уютно скрипнет половицей пол,
Я стану сказывать про быль и небыль.

Я о Кубани расскажу сибирякам,
Спою кубанцам песни о Сибири.
И разговор, и хлеб разделим пополам.
Ой, любо! Любо в этом мире!

А утром, лишь закричат петухи,
Рассвет забрезжит за крахмальной занавеской.
Хозяйка испечет в дорогу пироги,
Ведь в доме гость, а это повод очень веский.

И вновь Россия милая моя
Платочком белым провожает от порога.

Благословит она крестом меня
И ангела пошлет со мной в дорогу.

*Моим родителям, тульским оружейникам,—
Борзенкову Алексею Васильевичу и Борзенко-
вой (Моисеевой) Клавдии Сергеевне посвяща-
ется.*

СИЛА ЛЮБВИ

Фронтовые письма папы!
Мама их всю жизнь хранила.
Мы собрали память в папки.
В ней спасение и сила,
Ожидание и верность,
Смерти страх и гром ПОБЕДЫ,
Удаль юности и смелость...
Не истерли память беды.
В письмах этих столько света!
На двоих в избытке было.
Их история бессмертна.
В ней любви великой сила.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

МАЙ

Вокруг все зеленью одето,
И май вступил в свои права.
И солнцем радуют рассветы,
Даря нам лучики тепла.

Весна — цветение природы,
Которая как дивный сад.
Я жду лишь это время года
Уже который год подряд.

Я сам весною обновляюсь.
Сердца пусть скажут все за нас.
Я вновь и вновь в тебя влюбляюсь,
Как-будто встретил в первый раз.

НЕ СМЕЙТЕСЬ НАД ПОЭТОМ

Не смейтесь над поэтом.
Он порой наивен, как ребенок,
И видит мир, совсем не так, как вы.
Неправда — для души его осколок,
Что ранит сердце полное Любви.
Он чувствует все тоньше и острее,
И оттого ему больнее во сто крат.
Но сколько душ его стихи согреют,
Спасут и снова к жизни возвратят!
Он чужд страстей, насилия, лжи и смрада,
И потому он беден, одинок.
Но нет! Не беден — ведь Любовь его награда!
И не один — с ним пребывает Бог!
Он видит то, что недоступно взору.
Он слышит то, что не дано другим.
В миг вдохновения небесные просторы
Все тайны открывают перед ним.
Он говорит о том, что наболело,
О том, что в ваших душах и сердцах.

Он говорит открыто, дерзко, смело.
Ему неведом, незнаком, противен страх.
Пусть этот мир поранил его душу.
Он выбрал сам. Он сам хотел так жить.
Он ночью голоса Вселенной слушал,
Снискавши дар в сто раз сильнее любить.

О СТИХАХ

Стихи, как капельки росы,
Словами питают душу.
Они защитой нашей служат
От равнодушной суеты.

В них все: любовь, борьба и мука,
Переживание и мечта,
И радость встречи, и разлука,
И глубина, и высота.

Пред ними ложь всегда бессильна,
Они спасают от обид,
И человеку дарят крылья,
Когда на грани он стоит.

И в мир наш, что не верит в чудо
Прольется луч из чистых слов,
Когда стихи дарить мы будем
Всем тем, кто слышать нас готов.

И слову доброму внимая,
Остановись, замедли шаг,
И посмотри, как высекают
Стихи огонь в людских сердцах!

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ИБРАГИМ
(Поэма)

Оранжевой зарей пустыни
подсвечена морская тишь...
На глубине бездонно синей,
как будто в космосе летишь...
Пятнистых, красных и зеленых
мелькает рыб волшебный рой,
риф надвигается горой,
коралловой судьбой возвращенной...
На плечи давит солнца луч —
оттуда, где не видно туч.

В подводном бессловесном мире,
чутьем испытанным своим —
знал закоулки, как в квартире,
купальщик истый — Ибрагим.
Усов чернеющая щетка,
стальная цепкость крепких ног,
грудная клетка в полный вдох,
он был для рифов, как находка.
В свои молодые двадцать пять —
умел и плавать, и летать...

Под солнце вынырнув, как пробка,
в сухой, палящий, терпкий жар,
поплыл на пляж, легко и ловко,
где виделся всегдашний бар.
А там его ждала Татьяна.
Жена? Подруга? Нам то что?!
Как танцовщица — без изъяна,
на все, как говорится, сто!
Полна эротикой природной,
достойна славы всенародной.

Загар, под солнцем бронзовея,
по узкой талии скользил,
огнем пылающим повеяв,
на бедра вдруг переходил...

Где от купальника полоски
от солнца скрыли кожи свет,
сказав загару: «Нет и нет!»,
живот приоткрывался плоский...
На нем «венерин бугорок»
был в меру низок и высок.

В египетской, синайской сказке
внезапно забурлила страсть,
нырнув в которую без маски —
хотелось запросто пропасть.
Они сплетались с Ибрагимом
то нежным взглядом, то тайком
свивали кисти рук клубком —
столь долгожданным и любимым.
Что значит молодости бред?
До старости горящий свет!

У Ибрагима и Татьяны
светившихся сияньем чувств —
среди публики, немножко пьяной,
но чуткой к сполохам искусств,
была, как видно, сверхзадача —
на отдыхе друг с другом быть
двузначием: игла и нить,
а расставаться — то не плача,
без лишних и обидных слов,
к которым этот мир готов.

Они в постели преуспели!
Отель дрожал по пять часов,
крича о достижениях цели
неясным всхлипом голосов.
Казалось, что вот-вот свершится
слиянье судеб их — в одну,
звучанье струн — в одну струну,
и время общее помчится...
Но век перемещенья тел
«сбыт» этих «мечт» не захотел!

Седой и, видимо, богатый —
супруг Татьянин прилетел,
весь, будто слепленный из ваты,
жирен, слащав и мягкотел.
Обделав в США свои делишки,
имея фирменный «общак»,
решил заехать просто так
потратить времени излишки,
каирским рейсом в этот край —
коралловый потрогать рай.

А что прекрасная Татьяна?
Попробуй, кто — ее узнай!
Она, проснувшись утром рано,
несет в постель супругу чай.
Скромна, мила до отвращения,
глаза к коленям опустив,
все, что блистало, то — прикрыв,
как воплощенное прощенье
грехов от Евы — в наши дни...
Синаем списаны они!
А Ибрагим тоску-кручину
все дальше в море загонял,
ныряя в синюю пучину,
как фиолетовый коралл.

В вечерние часы на пляже
запрет купаться — презирал,
от игл ежей морских страдал,
но прекращать не думал даже
родниться с морем и луной,
дружиться с каменной стеной...

При встрече с ним Татьяна блекла,
молчала, глядя на простор,
который даже в злое пекло
звучал, как многоваттный хор.
Муж посылал ее за пивом.
Она послушно шла туда,
где и напитки, и еда
в орнаменте сплелись красивом,
несла стаканов пенных лед
хозяину своих забот.

И вот однажды — нет Татьяны.
И Ибрагима тоже нет!
Один супруг в угаре пьяном
сидит с бутылкой тет-а-тет.
От финиковых пальм напротив —
летят плоды на зелень трав,
в стране, где дождь — без всяких прав
шесть лет отсутствует в природе,
где «чисто русская» среда...
Но вот беда — всегда беда.

Пытаясь встретиться с Татьяной,
проникнув за полночь в отель,
был схвачен Ибрагим охраной
и грубо выдворен отсель.
На шум явился муж с рогами,
олению и лосю подстать.
Он от «друзей» сумел узнать

«за все про все», соря деньгами.
Привычка старая «стучать» —
важней для русских, чем молчать.

Там, за пределами отеля,
«крутой» разборке дан отсчет...
Охрана мужа в сердце целит,
но Ибрагима прост расчет.
Он ждет намека от Татьяны —
с кем хочется остаться ей?
Коль с мужем — значит, в сердце бей!
Коль с ним — тогда упреки странны!
«Да» или «нет» — теперь пароль,
пусть жизнь и смерть — все та же боль!

Как «Хванчкара» плеснулась в снеге!
От выстрелов сверкнула ночь,
багрово-красные побеги
из сердца побежали прочь...
«Татьяна! Милая Татьяна!»
шепнули губы, искривясь,
нисколько правды не боясь,
но сожалея: «Как же рано...»
Упал на землю Ибрагим —
последним шепотом храним...

Татьяна вздрогнула, проснувшись,
пока не зная ни о чем,
к печальным снам не прикоснувшись,
но выстрела услышав гром.
Привстала в темноте постели...
В руке — ракушка. Талисман —
был Ибрагимом как-то дан
в начале сказочной недели.
Но почему же руку жжет
ракушки нестерпимый лед?

Открыта дверь пришедшим мужем.
Он видит, что Татьяна спит.
Движеньем дерзко-неуклюжим
край одеяла приоткрыт...
В руке щепоть песка зажата
да шар жемчужины блестит
на простыне его обид.
Подушка рядом — чуть примята.
Нет пульса! И дыханья — нет...
Лишь на губах кровавый след.

Как будто Ибрагим вернулся
в Татьянин мир издалека...
Он с поцелуем к ней нагнулся,

но тяжела была рука.
Прильнув к нему горячим телом —
застыла в тот же самый миг
в объятиях таких родных,
которые всегда хотела...
Тяжка двойных стандартов суть!
Любимых к жизни — не вернуть!

По-прежнему равнина моря
не знает дождевых щедрот.
Пустынный ветер из предгорий
песок кусающий несет.
Плюс тридцать три — вода «в законе».
Мелькают яхты, катера...
На рифах с раннего утра —
нырятьщики... Никто не тонет.
Воды соленость такова,
что не утонет голова.
И только прошлых дней печали
вдруг потревожат горизонт...
Умчит в не познанные дали
тебя зари горячей зонт...
Про Ибрагима и Татьяну
напомнит флейты нежный звук,
да барабана частый стук,
да бормотанье русских спяну...
Что было — то, увы, прошло!
А жизнь — прозрачна, как стекло!

